

Первый перелом

«Держим ответ только пред своей совестью»

— Так кто же были те люди и что они делали?

с. 68

В. КОЗЛОВ: — Одно совершенно определено: по душевному складу они не умели быть недеятельными. С трудом находя место в новом обществе, они ушли в краеведение, в охрану памятников истории и культуры. Этот интеллектуальный переход сделал удивительное дело — уровень провинциальной жизни России стал много выше. Это был прямой результат их работы.

Есть и другая причина вспышки краеведения: в первые послереволюционные годы во главе государства, во главе основных культурных органов стояли очень образованные, интеллигентные люди. Революция — не благо для сохранения культуры прошлого, его памятников. Гибло действительно множество художественных ценностей. В одной Рязанской губернии полностью погибло почти три четверти усадеб. Шёл знаменитый передел земли — семнадцатый-восемнадцатый год.

И сразу же возникли первые комиссии по охране. В восемнадцатом году их около пятидесяти по всем губерниям. Иногда это была инициатива сверху, то есть Нарком-проса, но чаще — снизу. Поэтому первая отличительная черта таких обществ и комиссий в сравнении с нынешними в том, что возглавляли их не чиновники от культуры или они же, но уже в отставке, а истинные энтузиасты. Кстати, бывшие губернские учёные архивные комиссии почти полностью вошли в эти общества.

С. ШМИДТ: — Расцвет краеведения действительно падает на первое десятилетие советской власти, но истоки его глубже. Все правительственные учреждения — и Синод, и Министерство просвещения — всегда использовали интерес к истории, как и саму историю. Но это была ещё и отдушина, поле деятельности прогрессивной интеллигенции, начиная с Герцена. Ведь многие музеи основали народники. Этим занимались и сосланные большевики. Так что и после семнадцатого им легко было стать организаторами знакомого уже дела. И это не одни лишь те, кто почему-то не нашёл себя или потерял после революции. Была жива естественная связь краеведения со свойственным именно России движением земства, хождением в народ — с чисто российской потребностью интеллигенции «отплатить» за свою образованность, да просто за то, что богаче, что лучше живут. Это внутренняя потребность — сеять культуру.

— Но почему именно на почве краеведения?

С. ШМИДТ: — А где ещё так широко и прочно соединяется наука с прошлым своего края? Ещё карамзинская идея, просвещение способствует улучшению жизни народа. И главное — надо было спешить выхватить из огня хотя бы то, что можно. И это спасённое тут же использовать. Выхваченное не спрятали, нет, в течение одного года в стране возникли сотни музеев.

С. ФИЛИМОНОВ: — Причём общественная инициатива опережает государственную. Двадцать пятого октября — революция, а знаменитейший ленинский Декрет об архивном деле выходит первого июня 1918 года. Семь месяцев — и каких! Все эти семь месяцев краеведы спасают архивы.

С. ШМИДТ: — Больше семи! Самодержавие свергнуто в феврале. И тут же великие князья и многие связанные с двором лица вывозят ценности, они уже покинули имения. Встал вопрос: как спасти оставленное?

С. ФИЛИМОНОВ: — То есть нет декретов, но памятники и архивы спасают; нет губмузеев, но создаётся что-то подобное. И тогда приходят декреты.

С. ШМИДТ: — Совершенно верно. Но была ещё ленинская идея: спецы придут к коммунизму через своё дело. А тут делом была защита памятников культуры.

С. ФИЛИМОНОВ: — И спасение архивов приводит к централизации архивного дела, так?

С. ШМИДТ: — И к тому, что архивы становятся государственной собственностью.

С. ФИЛИМОНОВ: — И всё-таки хочется восстановить хронологию. Именно общественная инициатива породила многие добрые начинания государства. К примеру, ничем не примечательный уездный городок Переславль-Залесский. Что тут, казалось бы, делать? Но находится некто Михаил Иванович Смирнов, историк-самоучка. Лишь в сорок шесть лет сумел он получить высшее образование. Кем он только до этого не был!.. Биография самая диковинная. И вдруг — совершенно определённый финал: человек находит себя в спасении культуры. Именно он показал, как классически может развиваться краеведение в самом обычном, глухом провинциальном городке. И не уходили они в краеведение от революции. Революция настигла их, они увидели реальную угрозу культуре. Наступило время спасать и охранять.

с. 69

Михаил Иванович Смирнов создаёт музей, библиотеку, уездный архив, организует научно-просветительное краеведческое общество — одно из лучших провинциальных обществ в России. Оно издаёт около двадцати томов трудов. Сейчас Симферопольский университет, где я преподаю, не имеет своих изданий, а Таврическое общество истории, археологии и этнографии свои труды издавало. И это было в порядке вещей. Узнавание тут же воплощалось в дело — в распространение знаний. Иначе зачем узнавать? Всё происходящее вокруг фиксировалось по горячему следу. Культурный слой не выпадал сам собою, не формировался пожарами и прочими бедствиями, он собирался сознательно и ежедневно — вот идея исторического краеведения.

Прелесть его в том и состоит, что каждый мог выразить себя. Биолог — занимайся биологией уезда, читай доклады. Я, историк, занимаюсь своим делом. В отличие от дореволюционных краеведческих организаций, никакого взноса нет. Ведь раньше это была всё-таки корпоративная сословная организация — ну кто из крестьян, рабочих легко попадёт в дворянское заседание? Тут же — все заседания открытые. Кругом разруха, с бумагой плохо, нет ни радио, ни телевидения — откуда черпать материал для научной культурно-просветительной работы? А вот — из узнавания края. К тому же в школе с первых лет советской власти история вообще не преподаётся, только — обществоведение. И так — до 1934 года. Историческое краеведение стало копить живые исторические знания.

Так происходит почти всюду. Возникает блестящий музей в Дмитрове, город и сейчас гордится им. А делает его Михаил Николаевич Тихомиров, будущий академик. В 1917 году он оканчивает Московский университет. Прокормиться в Москве в том году непросто, и он едет в Дмитров, поступает на службу к дмитровским кооператорам, чтобы как раз музей и создавать.

С. ШМИДТ: — Кстати, вместе с князем Петром Алексеевичем Кропоткиным, знаменитым учёным и столь же знаменитым анархистом, после эмиграции он возвращается именно в Дмитров. Там же работают две дочери князя Дмитрия Ивановича Шаховского. Весьма своеобразное объединение.

С. ФИЛИМОНОВ: — Но главный всё-таки Тихомиров. Я читал его отчёты. За те полгода, что был директором ещё не существующего дмитровского музея, он объезжает уезд более десяти раз, собирает материалы. Это — работа фанатика. Краеведческие общества, между прочим, бесплатные — никто ни копейки в них не получает.¹ Тихомиров преподавал потом в Самарском университете, там что-то и получал, а эта работа не в работу, она — для души. «Езжай на Иргиз, спасай рукописи старообрядческих монастырей», в дорогу — краюха хлеба, больше-то ничего нет, и сушёная рыба. И он едет, из голода — в голод, в разруху. Да ещё как крестьяне отнесутся к этому «спасению», никто ведь этого не знает. Вот почему я всё время думаю: что их влекло, что такое вообще их подвижничество?

С. ШМИДТ: — А вы не ищите внешних причин, всё — внутри. Дёма Державина Тихомиров уже не находит, его нет — спешит дальше... А в то же время Владимир Иванович Пичета — я прочёл это в его письме — сидит на вокзале в Рязани, не может уехать: у него мешки с рукописями, а денег на билет нет. Зачем он там мучается? Докторскую он защитил, между прочим, в 1918 году, то есть написал её ещё в царское время, и мог бы жить по-иному,

¹В Переславле члены научно-просветительного общества не имели постоянной зарплаты, но когда были субсидии — им выдавались деньги в оплату краеведческой работы. Поэтому не следует думать, что эти люди работали совершенно бесплатно. Другое дело, что деньги не были их задачей и что начинали они безо всяких планов обогатиться. — *Ред.*

мог бы позволить себе жить — но не позволяет! И Тихомиров тоже: ведь жива ещё «потомица» Аксаковых, а ей около восьмидесяти, она готова отдать всё, что сохранилось, — письма, вещи. Хранить их она не в силах — дом нужно топить, топить нечем. Михаил Николаевич Тихомиров кидается к ней — имение уже горело, целым застаёт лишь «флигелёк» — копии картин, два шкафа с книгами. «Но и в этой бедности убранства, — записывает он, — теплятся какие-то воспоминания о минувшей жизни. Было бы крайне обидно и тяжело (вот вам причина подвижничества!), если бы это, последнее гнездо внучки большого писателя постигло разорение». И постигло бы, если не он.

Поездка была очень тяжёлой, — я читаю отчёт. — Считаю нужным заметить, что медленность в составлении подробной описи архива во многом зависела от тех тяжёлых условий, в которых протекала моя поездка. Не говоря уж о неудобствах передвижения, моя экспедиция встретила слишком слабую поддержку со стороны Бузулука. Достаточно сказать, что на всю поездку местный райпродком ассигновал пять фунтов хлеба и два фунта копчёности (это интеллигентное наименование воблы). Но самое главное заключалось, конечно, в моей болезни. Я имел несчастье заболеть тяжелейшей формой малярии, в течение более двух недель валялся в постели, расхатав окончательно здоровье. Здесь я упоминаю об этих обстоятельствах с единственной целью — оправдать себя от возможных упреков в медлительности, с которой мне пришлось работать.

— Простите, нам уже никогда не попасть в музеи тех лет. Собранные подвижнически, они скоро исчезнут. Нельзя ли увидеть их хотя бы вашими глазами?

С. ФИЛИМОНОВ: — Никакого плана, как должен выглядеть музей, ни у кого, конечно, не было. Тут сложность, но тут и свобода. Показать природу, экономику, историю края — как? Тот же Тихомиров идёт от широты своих интересов, всё вообще идёт от образованности. Первым делом в экспозиции попадало то, что удалось спасти. Музеи не формировались под идею — идеи рождались по ходу дела. Отсюда — многообразие.

С. ШМИДТ: — Сразу после революции очень широко давались охранные грамоты. И не только профессорам — это само собой разумеется, но и богатым людям, которые не склонны были эмигрировать. Поначалу их коллекции не экспроприировали. Так что наибольшая часть поступлений в музеи — всё-таки вещи из покинутых имений. Уезжавшие брали ценности движимые. Библиотеки, картинные галереи, фарфор, мебель с собой не возьмёшь, всё это шло в музеи.

с. 70

— То есть до настоящего осмысления материала в музеях дело не доходило. Это видно даже по нынешним краеведческим музеям — всё с бору по сосенке. Те же картины.

С. ФИЛИМОНОВ: — Не всегда так. В Саратове, например, Борис Матвеевич Соколов начинает музей с этнографии. Он — крупнейший фольклорист, непререкаемый авторитет в области народного быта. В страшном двадцать первом году сам голодный, больной объезжает губернию — собирает экспонаты для Музея голода. Для него существует абсолютная необходимость — зафиксировать происходящее с народом. Гуляет смерть, дело доходит до людоедства, но он собирает. И уже в декабре того же года на Первой Всероссийской конференции краеведов профессор Саратовского университета Сергей Николаевич Чернов, председатель Саратовского общества истории, археологии и этнографии, докладывает: музей создан, в нём есть «всё, начиная от газетных статей и плакатов и кончая теми суррогатами, которые вместо хлеба потребляются населением». Эта застенографированная фраза Чернова, к сожалению, всё, что нам осталось от Музея голода.

— Сергей Борисович, вы по крохам собирали то, что ещё недавно опубликовать было невозможно. А Чернов, я знаю, ваш «любимец»...

С. ФИЛИМОНОВ: — Да, он участвует во всех краеведческих конференциях. Кроме последней, четвёртой, 1930 года. Старые краеведы физически не могли быть на ней — они уже находились в местах, далёких от привычного им краеведения. До этого Сергей Николаевич пишет интереснейшие статьи, в них — истоки множества направлений в советской исторической науке.

С. ШМИДТ: — Он вообще один из последних могикан: знаток России XVI века, ведущий историк декабризма, один из создателей источниковедения. Люди подобной широты интересов наперечёт.

С. ФИЛИМОНОВ: — В 1926 году в Иваново-Вознесенске выходит сборник «Первые шаги краеведа». Казалось бы, провинциальный ликбез, чего можно ещё ожидать? Но в нём — статья Б. М. Соколова «Краевед за работой по изучению быта», там же статья С. Н. Чернова

с характернейшим названием: «История и современность в работах краеведа». Ведь в двадцатые годы постепенно становится возможным изучение только современности — того, что сейчас, в крайнем случае завтра, но уж ни в коем случае не послезавтра, должно принести явную и утилитарную пользу; историей мы займёмся потом — когда восстановим, построим, воздвигнем... Чернов же пишет: да, у нас разруха и голод, но заниматься только экономикой, а в ней — лишь изучением производительных сил для сиюминутной потребности, значит уйти от духовности и культуры. Мы потеряем корни, а это грозит страшными, непредсказуемыми последствиями. Это же стоически обосновывает Иван Михайлович Гревс: культура без истории немыслима, вынуть историю из современности — значит вынуть душу. Они уже тогда видели грозящую опасность бездуховности. Теперь мы столкнулись с последствиями. Но их предупреждение было не услышано сознательно.

Кстати, тот же Чернов — не впервые ли? — подступает к проблеме изменений в природе под влиянием человеческой деятельности. Он пишет статью «К вопросу об изучении изменений естественных условий, в которых протекал русский исторический процесс». Сейчас я не могу найти даже следов её.

Забвение коснулось не только их трудов, но и их самих. Я нашёл рукописный отчёт С. Н. Чернова о деятельности Саратовского общества за двадцать первый год. Это не отчёт — трагическая поэма. Особенно первые три страницы. Что такое Саратовский край в тот год? «Крестьянские восстания... Голод предыдущего года наложил на голод нового... От двадцатого года пришла ещё и холера... Многие товарищи скончались на почве истощения... Был едва спасён от смерти Б. М. Соколов... Тяжёлые квартирные и топливные условия безмерно ухудшали положение всех работников общества, усиливая истощение их и обостряя его проявления». И всё-таки, пишет Чернов, мы кое-что сделали. И дальше на десяти страницах идёт отчёт: «Принять близкое участие в деле помощи голодающим», «Приступить к систематическому опросу скопившихся в Саратове беженцев»...

В. КОЗЛОВ: — Они точно знали, что делать. Поэтому сделали много. Нельзя было терять ни дня. Иногда люди, чувствуя, что всё может погибнуть, просто умоляли взять ценности: «Приезжайте и заберите!» В Рязанщине сдана библиотека в несколько тысяч изданий XVIII—XIX веков. Другой владелец — во Владимире — просит принять коллекцию старинного оружия и драгоценности. Но кому было брать? В двадцать первом году от недоедания умерло пятнадцать музейных работников Крыма. Я сейчас зачитаю письма, найденные мной. Крымский краевед А. И. Полканов, начало двадцатых годов:

...Памятники разбираются, разрушаются. Средний оклад музейных служащих — семь тысяч рублей в месяц. Музейный сторож получает 2900 рублей. Рыночные же цены: хлеб, один фунт, — три, три с половиной тысячи, одна бутылка молока — две тысячи, десяток яиц — восемь тысяч, один фунт [410 г] картофеля — две тысячи.

Телеграмма археолога и этнографа Г. А. Бонч-Осмоловского заведующей музейным отделом Наркомпроса Наталье Ивановне Троцкой:

18 октября 1921 года. Севастопольские памятники нашёл накануне полной гибели. Мировые ценности Херсонеса охраняются одной женщиной. Крыши текут. Исторический бульвар, Братское кладбище вырубиваются, были случаи разбивания гробниц. Служащие от голода разбегаются. Во имя ответственности перед культурой человечества... прошу принять чрезвычайные меры.

с. 71 Письмо директора керченского музея в Российскую Академию истории материальной культуры:

Считаю долгом сообщить, что все служащие музея, особенно научный состав, в настоящее время очень бедствуют. Они получают паёк в виде одного фунта хлеба на главу семьи и четверти фунта на членов и больше почти ничего. На базаре можно всё достать по недоступным ценам, и в результате этого положения сторож Центрального музея умер от истощения. Четыре музейных работника больны цингой на почве недоедания...

Письмо от хранителя Херсонского музея В. И. Гошкевича — тоже в академию, август 1921 года:

Несколько лет не имеем связи с центром, не получаем никакого руководства, работаем на свой страх и держим ответ только пред своей совестью. Условия работы в музее становятся всё более и более тяжёлыми... Всё внимание сосредоточено на спасении гибнущих культурных ценностей... Всё это приходится непрерывно и упорно отстаивать, охранять от посягательств со всех сторон... Ходим босые. Тёплую одежду и белье проели.

Я не в силах комментировать эти письма...

— Ну почему же, комментарием может быть выступление Луначарского на I Всероссийском съезде по просвещению. Оно недавно вновь опубликовано, хотя и с купюрами. Анатолий Васильевич не мог не знать положения дел, но уже через десять месяцев после Октября говорил совершенно успокоительно: «Мы знаем, что пролетариат будет строить новую культуру, изучая старую. В этом отношении заслуживают восхищения и награды все части ведомства, которые столь героически защищали дворцы и музеи от разгрома. Все эксцессы сейчас же прекращались, и при величайших опасностях и трудностях мы всё-таки всё отстояли. Так что теперь царские дворцы в качестве музеев предоставлены публике, которая ходит любоваться или, вернее, удивляться тому, что собрано было царями. Мы гордимся тем, что мы всё это вернули и отдали народу».

С. ФИЛИМОНОВ: — Картина, конечно, радостная, и «ведомства» молодцы, но трудно даже представить, что осталось бы, не будь краеведов. Только «организованных» их было около ста тысяч. С семнадцатого по двадцать девятый год число краеведческих организаций увеличилось более чем в десять раз, их стало около двух тысяч. В каких они условиях работали, видно по телеграммам.

С. ШМИДТ: — И любопытная вещь: тому краеведению покорны все возрасты. Могла бы вырасти смена, она уже росла. Если старшему Смирнову пятьдесят, то Тихомирову ровно вдвое меньше. Но оба основывают музеи. А рядом с ними совсем уж мальчишки...

С. ФИЛИМОНОВ: — Тот же Петя Третьяков. Отнюдь ещё не Пётр Николаевич Третьяков, известный своими знаменитыми раскопками предков славян и жителей Северо-Восточной Руси. Двенадцатилетним в костромском обществе он проходит школу у знатока археологии Василия Ивановича Смирнова. А будущий видный украинский историк и источниковед Вячеслав Ильич Стрельский пятнадцатилетним юношей начинает свою деятельность краеведом в Курске.

Но это знаменитости. Есть иные. Без специальных разысканий узнать о них сейчас почти невозможно. Так, волжанин из деревни Петушиха пишет Василию Ивановичу Смирнову в 1919 году: «Не будет простой бумаги, летописец Бармин Дементьев принуждён будет писать на заячьих шкурах или на скатах бересты, а свою охоту изучения истории Костромского края удовлетворит». И это пишет не мальчик, ему уже было под шестьдесят. Скончался он в двадцать шестом году, написав двести тридцать девять (!) томов летописи. «Излагаю, — писал он, — свои созерцания, впечатления и отголоски важные, если не всего русского народа, то хотя бы своего Петушихинского прихода...»

Я не увидел эти «отголоски», опоздал. Всё сгорело. Я переписывался с вдовой Василия Ивановича Смирнова Лидией Сергеевной Кितिцной. Но вот уже несколько лет она не отвечает, не умерла ли... В одном из последних писем она пишет: ночи не сплю, переживаю, сгорел ведь архив-то костромской — весь архив научного общества, богатейший! Случилось это в середине семидесятых... И нет летописи Бармина Дементьева.

До закрытия их в двадцать девятом году выходит около ста номеров журналов «Краеведение» и «Известий Центрального Бюро Краеведения». Редактировали их академики Н. Я. Марр и С. Ф. Ольденбург, репрессированный уже очень пожилым. Надо признать наконец, что многие проблемы, над которыми мы сейчас только задумываемся, уже решались краеведами двадцатых годов. Их принцип исторического краеведения — собирать и сохранять по возможности всё — очень скоро обернулся для них обвинением, как и для всей исторической науки двадцатых годов. Создание истории фабрик и заводов, изучение «культурных гнёзд», ведение «летописи современности», распространение анкет «О влиянии революции на жизнь деревни»... Можно лишь представлять себе, чем бы мы обладали, сохранились эти материалы. Но остались буквально крохи. В Якутии в начале двадцатых годов краеведческое общество собирает материалы по истории политической ссылки. Не сохранилась даже анкета. В 1929 году ЦБК издаёт целую программу по собиранию источников о революционной истории края. И эти материалы тоже вскоре исчезнут.

Случайность? Нет. Это в те годы уничтожение истории воспринималось некоторыми собирателями её как странное недоразумение, которое вот-вот должно кончиться. У вдовы Василия Ивановича Смирнова чудом сохранились дневники этапа и ссылки мужа. Я читал эти страшные «Материалы к биографии мужа», как она назвала их. В них бьётся одна мысль: за что? Василий Иванович и в ссылке продолжает работать — помогает создавать архангельский музей. Теперь в Костроме — в Ипатьевском монастыре — установлен его бюст.

с. 72

Всё меняется — иногда самым диковинным образом, но они, даже посаженные, не изменяют своему призванию. В журнале «Соловецкие острова» (№ 1, 1930 год), издавался он Управлением Соловецкими лагерями особого назначения ОГПУ, я отыскал статью Дмитрия Сергеевича Лихачёва, вынужденного стать краеведом весьма своеобразных краёв. Называется статья «Картёжные игры уголовников»...

С. ШМИДТ. — Они так и не отступились от своего дела. Основатель чухломского музея в Костромской губернии Казаринов, уже сидя в соловецкой тюрьме, обследует всю северо-восточную часть Соловецкого монастыря и остров Анзерский. Вообще материалы Соловецкого общества краеведения — это больше двадцати томов. Кто их написал? Те, кто не по своей воле оказался там, но не работать не мог. Даже в лагере ОГПУ.

«Тридцать седьмой год начался для них в двадцать девятом»

В. КОЗЛОВ: — Всё началось на исходе двадцатых годов. Грозный процесс происходил исподволь. Нельзя сказать: вот год начала, а вот — конец. И уж совсем невозможно рассматривать краеведение и его судьбы, вглядываясь только в краеведение. Расцвет культуры, возможность мыслить по-разному — всё это было ещё в двадцатых годах и, казалось, будет всегда. Само накопление разнообразных взглядов, не отрететированных сверху, их богатство говорило, что жить надо именно так. Двадцатые годы — это деятельность истпартов — направление очень значительное, в нём история ещё не шельмовалась так, как это произойдёт позже. Но в начале тридцатых работа истпартов закрыта полностью. То же происходит с музейным делом, с охраной памятников.

Многое как раз и началось с охраны памятников. Мы говорим: государство в первые месяцы и даже дни стремилось сохранять памятники. Это безусловно. Тут и Эрмитаж, и создание новых музеев. Но ведь первый общегосударственный орган — музейный отдел по охране памятников — был создан лишь в мае восемнадцатого. До этого эмиграция уносит колоссальное количество ценностей. Нам никогда не узнать даже, сколько!

С. ШМИДТ: — И уже позднее драгоценные памятники культуры, очень многие, уходили в Торгсин, а сколько их просто исчезало, уносилось спекуляцией...

В. КОЗЛОВ: — Вообще декрета об охране памятников как такового так и не случилось. Да и основные декреты, говорившие об охране материальной культуры, выходят только в сентябре-октябре восемнадцатого года. То есть государство вмешалось лишь через год. Почему так произошло, тоже пока неясно. Но и вышедшие декреты не выполнялись. Составлялись списки памятников и подразумевалось, что они-то и должны защищать перечисленное. Но тот же Жолтовский совершенно спокойно строит своё административное здание на месте «учтённого» Чудова монастыря.

— А братья Веснины, один из которых, кстати, по должности охраняет памятники, возводят Дворец культуры на месте взорванного старого Симонова.

В. КОЗЛОВ: — Вообще, что значили эти будто бы охранные списки, стало ясно очень быстро. Как это делалось, например, с Красными воротами... Стоят они на учёте. Московский коммунальный отдел обращается в Центральные государственные реставрационные мастерские: так, мол, и так, мешают движению, надо бы снести, и перечисляют целый ряд памятников по соседству, в том числе пять церквей. Мастерские, конечно, ни в какую! Моссовет вызывает Грабаря, Барановского, Левинсона — выламывают руки. Те видят: всё не спасти, что-то надо отдать. Что? Идут на компромисс: ломайте это, а это давайте оставим. И так происходит всякий раз. Наконец Моссовету вообще начинает надоедать сопротивление и игра в поддавки, он апеллирует в Президиум ВЦИК, а это и есть тот самый высший орган, который подписывал список об учёте памятников. И ВЦИК принимает решение: сломать разрешается. И как бы насмерть ни стояли реставраторы и музейные деятели, апеллировать выше ВЦИК всё равно некуда. И вместе с Красными воротами сносится целый ряд: церковь Гребневской Божьей Матери на Мясницкой, Рождества в Столетниках, Трёх Святителей...

То есть дискуссия как бы на равных шла ещё в двадцать шестом — начале двадцать седьмого года, потом всё происходит тем самым административно-волевым порядком, который вообще начал побеждать в стране. Процесс этой пирровой победы не прост. Ещё шла игра в демократию. Ведь памятники — это в основном церкви, а большинство из них — действующие. Значит, вначале церковь нужно закрыть. Для этого необходимо, чтобы верующие отказались

от неё. Как это делалось? Собирают рабочих, те принимают решение. Принять его несложно: рабочим предлагают или даже они сами решают построить на месте церкви клуб, общежитие. Кто же против? ВЦИК, естественно, удовлетворяет просьбу рабочих. Жалобы верующих просто не рассматриваются. Так «демократично» отработывалась система нового административного стиля — волевого. И происходит это не только в Москве. Москва лишь, как самое большое зеркало, отражала страну. И постепенно на этом фоне произвола фигура человека, берегущего культуру прошлого, то есть всё время надоедающего своими просьбами о сохранении, становится назойливой. Человек этот виден со всех сторон. Смысл его деятельности — в заступничестве. Может ли такой человек оставаться незамеченным? Ведь краеведение всегда питалось собиранием, изучением, а значит — сохранением.

Но уже явственно стремление ввести всё в прокрустово ложе — и в идеологии, и в производственных отношениях. Грядёт коллективизация насильственная. Конечно же, всему этому краеведы сильно мешали. Можно ли разрушать старый мир «до основанья», сберегая его ценности? Краеведы же как раз изучали культуру, идеологию, верования, живую историю, они ей просто не давали умирать!

С. ШМИДТ: — А уже вот-вот должен появиться лозунг: «С историей мы историю не сделаем!» Он только ещё не отлился в плакат, но всё движется именно в этом направлении.

В. КОЗЛОВ: — Краеведы же как зачарованные. Похоже, они не видят, куда идёт дело, продолжают изучать передвижения огромных масс населения, так нужные для индустриализации, собирают материалы по преобразованию деревни. Они всё видят и всё фиксируют. Конечно же, такое старое, классическое краеведение начинает стоять как кость в горле. Говоря словами Платонова, это «задумчивость среди общего темпа труда». Своим сохранением оно действительно мешает той же, как тогда говорилось, «реконструкции городов». Ведь людьми владело не какое-то мистическое чувство разрушения памятников, а вполне естественное, рациональное. Города и впрямь нуждались в реконструкции. Иной вопрос, как и какой ценой её делать.

А в это время начинается смена старых культурных кадров, бывших в руководстве. И не только их. Давно идёт так называемая «борьба с оппозицией», то есть с иными мнениями, в том числе и в партии. Перелом идёт буквально везде. Двадцать восьмой год — это смена и московского руководства, и этот же год — начало разрушения памятников.

Всё завязано. Разгром краеведения — лишь очень наглядное проявление общеполитического процесса. Тот же И. М. Гревс в двадцать девятом году ещё публикует целую серию тревожных статей по охране памятников истории и культуры, но уже отливаются слова, после которых его работы должны исчезнуть: «Ленинградский краевед историк Гревс идеализирует буржуазно-помещичий строй, проводя эту идеологию под флагом сохранения памятников старины».

С. ШМИДТ: — И уже готовится «дело» историков Платонова, Тарле, Любавского. Двадцать девятый — тридцать первый годы.

В. КОЗЛОВ: — И в тридцать первом в Иваново-Вознесенске выходит книжка с жутким названием: «Против вредительства в краеведческой литературе». Журнал «Советское краеведение», заменивший два прежних, публикует аннотацию к ней: «В этой брошюре разоблачена контрреволюционная деятельность некоторых трудов Смирнова и других буржуазных краеведов... Эти буржуазные контрреволюционные историки-краеведы умышленно ушли от революционных, близких нам тем, ушли из истории классовой борьбы, чтобы на узких темах истории уездов, районов и областей проложить путь для замаскированных, антипартийных выступлений».

С. ФИЛИМОНОВ: — Это уже требование крови...

В. КОЗЛОВ: — А ведь только что, два года назад, был пятидесятилетний юбилей Михаила Ивановича Смирнова. Его поздравляла вся культурная Россия, в том числе Луначарский. Всё изменилось: «Смирнов — проповедник кулацкой идеологии кондратьевско-громановского типа, с ярко выраженной черносотенной идеологией и религиозностью». Словам этим жить теперь долго, они станут главными. Виной оборачивается буквально всё. «В этом отношении (то есть „в выполнении своей предательской роли“) почти всех старых краеведов-контрреволюционеров превзошёл такой же махровый буржуазный краевед — „историк“ Переславль-Залесского края М. И. Смирнов. Этот монополист по истории Переславля-Залесского, воспользовавшись „гнилым либерализмом“, вернее полным отсутствием пролетарской бдительности у партийцев из переславльских учреждений, выпустил в период 1927—1930 гг. ряд толстых книг, в которых под маркой истории этого района он протаскивает поповщину и разные контрреволюционные взгляды».

С. ФИЛИМОНОВ: — Чего стоит один этот «ряд толстых книг»! В двадцать восьмом году Горький «с великой радостью» и «восторженностью» говорил краеведам: «...Не понимаю того процесса и энергии людей, живших в таких тяжёлых условиях, переживших великие драмы, как они могут вершить это великое дело». Речь шла и о необходимости выпустить книгу Смирнова о Переславле-Залесском. Но и позже книга так и не вышла, её похерили.

В. КОЗЛОВ: — Разгром доводится до конца — корчуются корни. В 1931 году собирается печально знаменитый X пленум ЦБК. Страшный пленум! «В связи с вопросом борьбы с классово-враждебными уклонами и извращениями в краеведной работе X пленум заострил своё внимание на необходимости пересмотра и переоценки всей выпущенной до сего времени краеведной литературы».

С. ФИЛИМОНОВ: — Почему я сейчас каждый номер журнала выписываю из Ленинки? Пленум принял ещё и резолюцию, в ней прямо сказано: изъять! Все краеведы обменивались своими изданиями, поэтому они и были у всех. Но всё было изъято, и даже о самом изъятии велено было забыть. Вот почему на местах этой литературы сейчас нет. Её не знают. Корни вырваны.¹

В. КОЗЛОВ: — Старое краеведение «контрреволюционное»: «Мы должны вести неустанную и непрекращающуюся борьбу с этим исконным врагом». Всё написанное пересмотрено, «политически вредные издания» изъяты. Но дело не кончено. Идёт поиск причин контрреволюционности. Вот одна из них: «...По мере того, как идеологическое вредительство изгонялось из отдельных теоретических фронтов, оно постепенно переключивалось в наиболее отсталые отрасли нашей работы. И в этом отношении одним из наиболее отсталых участков, сильно засорённых всякого рода поповскими, архивно-дворянскими и земскими элементами, являлось именно краеведение». В кучу валится всё — поповство и земство и уж совсем нечто непонятное — «архивно-дворянские» элементы. Невразумительные, но устрашающие слова наводняют печать. В них нет смысла, это клейма, их выжигают, чтобы видеть меченых.²

Но мало и этого. Нужны покаяния. Их выбивают. «...Вновь заявляю, что я искренне и решительно осуждаю свою краеведную деятельность в прошлом и даю твёрдое заверение, что все свои силы и знания впредь буду отдавать делу рабочего класса и вместе с новым краеведным руководством бороться за развитие советского краеведного движения». Покаяния не помогают. Прощённых нет.

с. 74 И это ещё не завершение. Самооговоров мало, как недостаточно и забытья. Выходит уже «настоящий» — «Первый курс советского краеведения».

Книга С. Толстова завершает ту работу по разгрому буржуазно-академического краеведения, которая проведена краеведами-марксистами в 1930—1931 годах. Это первое марксистское общее руководство по краеведению. Написано оно очень живо и энергично. Видно, что автор сам вёл и ведёт непримиримую большевистскую борьбу с классово-враждебными, антипролетарскими, антимарксистскими течениями в краеведении.

С. ФИЛИМОНОВ: — Вот «живость» слога С. Толстова:

Краеведные организации не брезговали и прямой шпионской работой. Они изучают и опубликовывают подробные описания пограничных с Польшей районов, собирают в анкетах детальные сведения о состоянии и деятельности партийных и советских организаций, отношения к ним масс и так далее. Изучение велось именно там, где оно нужнее всего было интервентам, в районах крупных железнодорожных узлов. Бралась на учёт все бывшие помещичьи имения и так далее, словом, всю старались встретить мать Белую Русь с зажжённым светильником. Но расчёты апостолов нацдеповского евангелия испортило ОГПУ.

В. КОЗЛОВ: — Охрана памятников начинает приравняться к контрреволюционной деятельности. В тридцатом году упраздняется отдел охраны памятников при Наркомпросе, возникший в мае 1918. Заведовала им Наталья Ивановна Троцкая.

С. ФИЛИМОНОВ: — Все краеведческие музеи и были в ведении этого отдела. Значит, в ведении Троцкой. А уж кто, как не она — несомненная троцкистка? И всё дело — троцкистское, и все музейщики, краеведы — тоже троцкисты. Дело выкрашивается под личность, личность —

¹Это полемическое преувеличение: изымалось не всё поголовно, а только опасные издания. В музеях Ростова и Переславля сохранилось почти всё. — *Ред.*

²Это полемическое преувеличение. Все статьи о вредителях имели конкретный смысл, очень понятный в условиях, когда писались такие статьи. Например, слово «архивно-дворянские» означает: дворянские деятели и их соратники, которые прячутся среди архивных документов и стараются оттуда понемногу вредить. — *Ред.*

под другую, всё вместе — под оппозицию, а уж та — под враждебную деятельность. В музеях начинаются массовые проверки, чистки, многие из них просто закрывают.

В. КОЗЛОВ: — Собирается первый музейный съезд. 1930 год. И вся прежняя музейная работа — может, и не очень упорядоченная, но широкая, разнообразная — превращается в схему, обязательную для всех. Схема эта родилась много раньше «Краткого курса ВКП(б)». Это по ней везде — Рязань ли это или Петрозаводск — положено иметь абсолютно строгий набор цитат из классиков марксизма. Вообще всё — только на цитатах. Экспонаты, собранные подвижнически, в лучшем случае уходят в фонды, но и выбрасываются тоже. Их заменяют плоскостными — плакатными. Рождается «очевидное» предложение: перестроить все музеи в культкомбинаты. И вот уж сама собирательская работа — одна из главных заслуг краеведов — становится совершенно ненужной, она лишь мешает цитатно-воспитательной работе будущих культкомбинатов. Потери колоссальные. Почти ни в одном музее страны не сохранились даже инвентарные книги того времени — вот до чего дело дошло! Новые появились в основном после войны.

С. ШМИДТ: — В 1931 году в журнале «Пролетарская революция» появляется знаменитое письмо Сталина «О некоторых вопросах истории большевизма». Началась полная сталинизация истории и вообще всех общественных наук. Внимание партии сосредоточивалось на необходимости разоблачения троцкистских и иных фальсификаторов истории, объявлена война «либерализму в истории».

В. КОЗЛОВ: — Происходит перелом, его можно проследить. С тридцатого года в краеведческих журналах нет ни одной знакомой фамилии. Их не будет там никогда.

С. ФИЛИМОНОВ: — Они — в других списках. Александр Игнатьевич Андреев — счетовод в Енисейске, Алексей Иванович Яковлев — библиотекарь в Минусинске, Сергей Владимирович Бахрушин — в Семипалатинске, Юрий Владимирович Готье — на Волге, в Саратове, Василий Иванович Смирнов — в геологических партиях в Архангельске, брат его, Михаил Иванович, — в Западной Сибири. «Из интеллигентов?» — «Да». — «Писать, читать умеешь? Ну вот и потрудись!»

В. КОЗЛОВ: — Историческое краеведение заменено производственным. Целые общества направляются вдруг на поиск некоего дубильного вещества. Вспыхивает дилетантизм, от которого уже пахнет будущей лысенковщиной. Люди вынуждены приспособляться, и, судя по изданиям того времени, краеведение процентов на восемьдесят уходит в изучение местных флоры, фауны, климата. Кстати, и тут появляются интересные статьи.

Из практики двадцатых годов что-то переходит. Изучение деревни и городов трансформируется в изучение колхозов, фабрик и заводов. Выходят постановления Совнаркома: краеведение должно бросить все силы на помощь социалистическому строительству, индустриализации. Планы краеведов вписываются в планы пятилеток. Какая-то помощь от них действительно могла быть. Краеведы изучают старые документы местных производств, ищут забытые разработки полезных ископаемых, изучают исчезнувшие ирригационные системы — занятия, безусловно, полезные и уже не досаждающие неудобными сравнениями. Но всех подстерегает надвигающийся тридцать седьмой...

С. ФИЛИМОНОВ: — Краевед слишком много знал. Знать свой край — его хлеб. Он работал с первоисточниками или с живущими рядом людьми, поэтому мог знать только истинное положение дел. Мог ли он, будучи в основном человеком простым, эту правду не писать, не говорить? Два неудобных качества были в нём: — знать и любить.

С. ШМИДТ: — Конечно же, возникает вопрос: почему краеведческому движению нанесён удар именно тогда? Нам никогда не ответить на вопрос Василия Ивановича Смирнова «за что?», так мучивший его и, думаю, всех других. Но почему, мы просто должны понять.

Краеведческие общества в том виде, в котором они были тогда, выражали демократическую самодеятельность, ставшую нетерпимой. Начиналась бюрократизация всей общественной жизни. Деятельность краеведов не укладывалась в рамки и, выходя из них, раздражала. Особенно когда она не проходила через официальные каналы. А это было сплошь и рядом. Она реально создавала возможность нестереотипной, неодинаковой жизни в разных городах и краях.

Кроме того, это были организации энтузиастов, людей, сердечно заинтересованных и думающих, а не желающих подчиняться просто указаниям сверху. Надо было остановить их мысль, унифицировать.

К тому же это были истинные знатоки — они хорошо понимали, какие действия будут чреваты глобальными последствиями для экономики края, для его культуры, если действовать

по огульному для всех плану. Это было потенциальное неподчинение, и очень широкое. Его следовало устранить.

Наконец, старшее поколение краеведов — это в основном старая интеллигенция, так сказать, не вышедшая из народа, а ушедшая в него. Для неё иметь своё мнение, высказывать его — занятие само собой разумеющееся. Само воспитание делало их такими. Их можно было лишь отстранить или уничтожить.

Своей одержимостью они привлекали к себе, воспитывали себе подобных. А это становилось в то время отнюдь не безопасным. Поэтому, я думаю, для них тридцать седьмой год начался в двадцать девятом. Краеведение было одним из пережитков той традиционной демократии, которая была уже неуместна.

— Простите за неуместную же шутку, Сигурд Оттович, но вы назвали столько убедительных причин, что хочется ещё раз «взять» их.

С. ШМИДТ: — К сожалению, подобная мысль, совсем нешуточно, приходила и много позже. Вернее, она не покидала наше общество. Поэтому и без того тончайший слой интеллигенции снимался многократно. После того как были взяты и «разоблачены» первые, оставшиеся даже не поняли, в чём дело. Они продолжали работать по-прежнему. Горький пытался их «пристроить» к своим по существу краеведческим начинаниям. По инерции — ещё дореволюционной — общество старых большевиков, общество политкаторжан, объединения молодых учёных продолжали заниматься историей. Но в середине тридцатых годов закрываются и эти общества, прекращается работа над историей фабрик и заводов и окончательно ликвидируется краеведческая организация, даже в переделанном виде. Их не стало.

Этот момент непонимания происходящего, когда продолжалась работа, несмотря на разгром, не изучен даже психологически. Всё заслонил ещё больший трагизм середины тридцатых годов. И, надо сказать, заслоняет до сих пор.

— И в чём же невозвратимые потери?

С. ШМИДТ: — Конечно, в исчезновении памятников. Это и памятники архитектуры, и архивы, и музейные фонды. Их не вернуть уже никогда. Их даже не домыслить. Во-вторых, — вернее, также во-первых, ещё более во-первых, — это люди. Они — носители того культурного начала, которое могли и так хотели передать, — свой взгляд, отношение, свою суть. Но некому было передавать. Эта невозвратимость, может быть, самая трагичная. Был уничтожен дух, пресеклась традиция.

Участники беседы: Сигурд Оттович Шмидт, Владимир Фотиевич Козлов, Сергей Борисович Филимонов.